

Чулошников Александр Петрович

Восстание 1755 года в Башкирии

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
А46

А46 **Александр Петрович Ч.**
Восстание 1755 года в Башкирии / Чулошников Александр Петрович – М.: Книга по Тре-
бованию, 2024. – 113 с.

ISBN 978-5-521-30515-5

ISBN 978-5-521-30515-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Процесс сложения в данном районе в 50—70 годы новой административной волости на территориальной основе сильно облегчался большими сдвигами и в экономическом быте населения, к середине XVIII в. переходившего здесь к оседлому образу жизни.

Волости	Г о д ы		
	1739	1752	1772—1775
Гайнинская .	214 дв.	562 дв.	795 дв.
Уранская . .	678 »	218 »	226 »
Ирехтинская	183 »	148 »	352 » ¹

Ведь не случайно определение Уфимской провинциальной канцелярии от 11 сентября 1755 г. рассматривало Гайнинскую волость как район, наиболее подходящий к сбору продовольствия и фуража для отряда правительственных войск, где «они (гайнинцы. А. Ч.) люди перед протчими хлебные и всем заводные».²

Те же перемещения и образования новых территориальных объединений происходили в той или иной мере и в других районах Башкирии, вплоть до юго-восточных ее окраин.³ Это постепенное сложение новых территориальных волостей связано было с общим развивавшимся в это время в Башкирии процессом последовательного перехода ее основного населения от кочевого к полуоседлому скотоводческо-земледельческому хозяйству⁴ и постоянно подтапливалось еще смешением населения в условиях длительных восстаний против насилий и притеснений царской власти.

Таким образом первоначальное единство старых племенных волостей разрушалось частично в порядке внутреннего процесса развития, частично вследствие насильственных мероприятий царизма. Однако в административной практике сохранялись еще

¹ Пермская старина, вып. VIII. Пермь, 1900, стр. 57; П. И. Рычков, Топография Оренбургской губ., Оренб., 1887, стр. 71; Памятн. кн. Уфимской губ., ч. II, Уфа, 1873, стр. 146, 160.

² ГАФКЭ. Фонд б. Гос. архива. Разр. VII, 1756. Дело № 1781, ч. III, л. 120 об.

³ Ср., напр., положение 160 дворов тамьянцев, которые в 1755 г. находились в команде старшины Бушмас-Кипчакской волости Сатлыка.— ГАФКЭ. Фонд б. Гос. архива. Дело 1756 г., № 1781, ч. IV, л. 276 об.

⁴ См. соответственные данные об этом процессе экономического развития Башкирского края в нашей статье «Феодальные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII и первой половины XVIII вв.». Тр. Историко-археогр. инст. Акад. Наук СССР, т. XVIII, вып. 7, М.—Л., 1936, стр. 5—7.

пережитки родовых отношений, внешние формы, унаследованные от родовой общины и племенной волости.

Но за всеми этими сохранявшимися родовыми пережитками все же крепили новые общественные отношения, которые складывались на основе все усиливавшегося феодализирующего процесса. Истоки его уходили еще к периоду до завоевания Башкирии царской Россией, но только к 40—50 годам XVIII в. создавшийся в результате этого процесса общественный порядок с его усилившимся феодальным угнетением особенно остро стал чувствоваться широкими народными массами. Тогда же с новой силой поднялась и колониальная эксплуатация этих масс российским царизмом, которая сопровождалась самым широким вмешательством царской администрации во внутреннюю жизнь Башкирии и лишением ее населения последних остатков относительной самостоятельности в местном самоуправлении. Последнее облегчалось разгромом башкир в восстаниях 1735—1740 гг. и последовавшим за ним кровавым террором, охватившим всю страну. Наконец, в это же время проводилось систематическое военное окружение Башкирии и открывалась широкая полоса новых земельных захватов.

Рассмотрим же ближе, что представлял собою Башкирский край в этот переломный период своей истории. В административном отношении основная его часть составляла тогда в царской России особую административную единицу — Уфимскую провинцию, сначала (с 1728 г.) непосредственно подчиненную Сенату, позднее (в 1730—1741 гг.) входившую в состав Казанской губернии и, наконец (с 9 июля 1741 г.), вновь поставленную под «особенное ведомство» Правительствующего сената.¹ Управлявшаяся постоянно воеводами, эта провинция только в 1740—1744 гг., возможно в связи с общим усложнением возложенных на ее администрацию задач, получила на некоторое время руководство с более расширенными полномочиями в лице вице-губернатора.²

В этот же период (с 1738 г.), в целях более тесного охвата всей Башкирии царской административной системой, из состава Сибирской губернии было выделено так наз. «Сибирское Зауралье», из которого была образована новая Исетская провинция, в составе сначала трех дистриктов: Шадринского, Исетского и Окуневского, с административным центром последовательно в следующих пунктах: в Чебаркульской крепости, Теченской слободе и Челябинске.³ Тогда же и в тех же целях в составе Уфимской провинции были

¹ ПСЗ, т. VIII, №№ 5316, 5318, т. IX, № 6469; Памятн. кн. Уфимской губ. на 1873 г., Уфа, 1873, ч. II, стр. 145; Тр. Оренб. учен. арх. ком., вып. VII, Оренб., 1900, стр. 77; Указ Правит. сената 27 апреля 1731 г. о приписке Уфимской провинции к Казанской губернии. — УЦГАЛ. Архив внутр. политики. Фонд распоряжений верховной власти и высших правительственных учреждений, 1711—1734, кн. 46, лл. 73 об.—74.

² Пермская старина, вып. VIII, Пермь, 1900, стр. 27.

³ В 1738 г. состоялось фактическое открытие провинции, постановление же об ее образовании было принято еще в предыдущем 1737 г. ПСЗ, т. X, № 7347; Пермская старина, вып. VIII, Пермь, 1900, стр. 50, 95.

образованы два особые воеводства: в Осе и в недавно отстроенной Красноуфимской крепости; а управление Соликамской провинцией, переименованной в Пермскую, переведено было из Соликамска в Кунгур, ближе к Башкирии, с перечислением самой провинции из Сибирской губернии в состав Казанской.¹

Внутри вся страна делилась на 4 дороги — Казанскую, Осинскую, Сибирскую и Ногайскую, которые в свою очередь распадались на волости; последние же еще подразделялись на тюбы. В 1755—1759 гг. насчитывалось всего 42 волости и 131 тюба; из них в Зауральской Башкирии (в Исетской провинции) находилось 2 волости Ногайской дороги и 11 волостей Сибирской дороги. Общее количество башкир и других нерусских народностей на этой территории по данным, относящимся к 40—50-м годам XVIII в., определялось в пределах от 185 000 до 336 896 душ обоого пола, из которых собственно башкир было 106 176 душ, живших в 11 863 дворах. Остальную массу составляли татары, мишари (мещеряки), чуваша, мари и мордва.

Наиболее населенной частью Башкирии являлась Уфимская провинция, почти в $4\frac{1}{2}$ раза превышавшая по количеству своего населения Исетскую провинцию. Объясняется это, очевидно, тем, что в Зауралье, на р. Исети, башкиры и мишари (мещеряки) появились позднее, чем на западных склонах Урала, где башкиры жили издавна.²

Численность русского населения Башкирии колебалась в это время, по разным сведениям, в пределах от 109 880 до 200 000 душ обоого пола. Более определенные данные имеются у нас только относительно Исетской провинции, где на 21 405 душ обоого пола местных народностей приходилось 34 355 душ мужского пола русских.³ Столь заметное преобладание здесь русского населения над местным нерусским являлось результатом вековой русской колонизации, проходившей в Приисетском крае много быстрее, чем на территории основной части Башкирии.

Переходя теперь к характеристике социальных отношений, приходится несколько остановиться на особенностях сложившегося здесь социального строя местного населения. При сохранении в нем, особенно среди башкир, значительных пережитков родового быта, этот строй представлял по существу феодализировавшееся общество с определившимися уже классовыми различиями. Наверху

¹ ПСЗ, т. X, № 7347. В. Н. Витевский. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г., Казаць, 1897, стр. 154; Пермская старина, вып. VIII, стр. 50.

² П. И. Рычков. Топография Оренбургской губ., изд. 1887 г., стр. 65—71, 73, 371; Пермская старина, вып. VIII, стр. 40; В. Н. Витевский, назв. соч., стр. 450.

³ В. Э. Ден. Население России по пятой ревизии, т. II, ч. 2, 1902, стр. 278—279, 302, 306, 315; П. И. Рычков. Топография Оренбургской губ., изд. 1887 г., стр. 40, 350—367, 370; В. Н. Витевский, назв. соч., стр. 395.

этого общества, как его высшая знать, стояли князья (мурзы) и тарханы.

Кроме феодалов из башкир¹ к числу мурз и тарханов принадлежали представители высшей феодальной прослойки из среды пришлого населения края, поселившиеся здесь или с очень давних времен, еще до подчинения Башкирии царской России, или же появившиеся после утверждения ее господства. Те и другие выступали с самого начала в роли прямых союзников завоевателей — были ли то казанские ханы, ногайские князья или русские цари; при этом все эти завоеватели одинаково поддерживали их социальное значение в целях упрочения своей власти в новозавоеванном крае. На существование этих феодалов в виде татарских, ногайских и мишарских мурз и тарханов, своим присутствием подчеркивавших неоднородность массы и пришлого населения, имеется ряд фактических указаний в сохранившихся источниках. Так, среди опубликованных В. В. Вельяминовым-Зерновым грамот и оберегальных памятней на тарханство, жалованных русскими царями, имеются три, выданные в 1690—1702 гг. не башкирским феодалам, а татарским и ногайским, служившим «исстари поУфе».² В данный момент мы располагаем еще рядом документов, удостоверяющих наличие этих феодалов на территории Башкирии. Это прежде всего оберегальная грамота 26 февраля 1680 г. на вотчинное владение землею, выданная татарину Уфимского уезда Акешу Доскееву с товарищами. Здесь интересно указание, что предки этого татарина получили жалованную им землю с тарханским достоинством еще в период существования Казанского ханства и принадлежности данной территории казанским ханам. Как выясняется, пожалование состоялось в 929 г. (1522—1523 гг.) при хане Сагиб-Гирее.³ Другим, подобным же документом является тарханная грамота 19 ноября 1617 г. на бобровые ловли «что за Камою рекою по Кинель речке», выданная служилому татарину тархану Килею Монашеву.⁴ Затем соответственные же данные о татарских и мишарских мурзах и тарханах имеются в документах, относящихся и к 1746 и 1748 гг.⁵ Наконец, последний подобный документ — это сохранившееся в татарском подлиннике прошение от 7 августа 1859 г. служилых татар Оренбургской

¹ Соответственные данные о наличии и возникновении этого феодального слоя среди башкирского населения приведены в нашей статье «Феодальные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII и первой половины XVIII вв.» в 1-й части сборника «Материалы по истории Башкирской АССР», изд. Акад. Наук СССР. Тр. Историко-археогр. инст., т. XVIII, вып. 7, М.—Л., 1936, стр. 10—13.

² В. В. Вельяминов-Зернов. Источники для изучения тарханства. Зап. Акад. Наук, СПб., 1865, т. IV, кн. 2, прил. к IV т., № 6, стр. 29, 44, 46.

³ УЦГАЛ. Фонд Межевого д-та Правит. сената, 1823, № 563/144, ч. 1, лл. 435—435 об., 439—440.

⁴ Там же, ч. 2, лл. 35—37.

⁵ Там же, лл. 39 об.—40. Фонд синода, 1748; № 174, л. 1.

губернии, 24 башкирского кантона, военному министру ген.-ад. Сухозанету.

Это прошение хотя и относится к значительно более позднему времени, но представляет интерес и для данного случая своей исторической частью, где вспоминаются различные службы предков просителей. Здесь обращает на себя внимание указание, что предки просителей получили свое звание мурз от царской власти и были «испомещены» первоначально на горном берегу Волги около Касимова и Муромы; отсюда, уже после завоевания Казани и с развитием башкирских восстаний, они были переселены в Уфимский уезд и пожалованы поместьями по р. Бири (Буре), «чтобы усмирять начинавшие появляться смуты, оберегать г. Уфу и заблаговременно уведомлять об изменнических поступках бунтовщиков».¹ В этом свидетельстве перед нами ярко выявляется вся прислужническая роль этих татарских феодалов как прямых и постоянных союзников российского царизма в Башкирии. Но то же известие интересно и в другом отношении, поскольку обнаруживает, что в XVII в. звание мурз не всегда еще соединялось с вотчинным правом владения принадлежавшими им землями. Последнее право принадлежало, очевидно, тем из татарских мурз, которые унаследовали это звание от давних времен еще до завоевания Башкирии царской Россией. Большинство же местных служилых татар, пожалованных в звание мурз московским правительством, владели отнятыми у башкир землями только на поместном праве, строго обусловленном верной военной службою этих феодалов царской власти.

Ниже тарханов, как последняя ступень феодальной верхушки, располагались башкирские батыры² и нетитулованные мелкие и средние феодалы из пришлого населения — служилые татары и отдельные мишарские феодалы. Последние две группы, так же как и выше их стоявшие на феодальной лестнице мурзы и тарханы из татарского и мишарского населения, несколько не зависели по своим земельным владениям от башкирских феодалов; однако первоначально, в XVII в., они не были вотчинниками захваченных ими земель, владея ими только на поместном праве, в результате пожалования от царской власти. Но эти отличия в правах владения земельными угодьями между различными группами местных феодалов в Башкирии не были продолжительными. Как известно, еще в конце XVII в. отличие вотчин от поместий было более юридическим, чем экономическим и бытовым, а с 1714 г., с изданием указа о единонаследии, совсем исчезло. В таких условиях, к началу XVIII в., все местные феодалы, как башкирские, так и из среды пришлого населения, владели землями на одном

¹ УЦГАЛ. Архив народного хозяйства. Лит. А., № 13296, л. 3—3 об.

² Соответственные данные о башкирских батырях см. в указанной нашей статье в Материалах по истории Башкирской АССР, ч. I, Л.—М., 1936, стр. 13.

вотчинном начале с той только разницею, что феодалы из пришлого населения, получившие земли в личное пользование, распоряжались ими непосредственно, тогда как башкирские батыри могли осуществлять свои вотчинные права преимущественно в рамках сохранявшейся еще родовой или общинной собственности.

О наличии этого нижнего слоя средних и мелких феодалов среди татарских и мишарских масс Башкирии имеется также ряд вполне определенных известий. Древнейшее из них относится к 1658 г. и находится в царской грамоте уфимскому воеводе А. И. Головину. Упоминаемые здесь служилые татары-мещеряки, предки которых отправляли военную службу по Алаторию, Арзамасу, Кадому, Темникову, Романову, Свияжску и Курмышу, были несомненно местными феодалами и освобождались от платежа ясака за военную службу московскому государю на Уфе в течение 15 и более лет. Общее число этих переселившихся в Башкирию из Мещерской земли¹ мишарей-феодалов определялось в то время в 100 семей. Подобное их положение позднее, в 1688 г., было подтверждено специальной царской грамотой, резко отделившей их от остальной массы мишарского населения Уфимского уезда, расселившейся здесь, повидимому, также около середины XVII в. и обложившейся здесь, в 1658 г. «смотря по людям и животам».² Однако это резкое выделение мишарской феодальной верхушки поддерживалось центральной властью только до начала XVIII в., когда к военной службе на Уфе были привлечены уж все мишари, жившие в пределах Башкирии. Тогда же, очевидно, все они были освобождены и от платежа ясака.³

По крайней мере хорошо знавший недавнее прошлое своего народа мишарский мулла Батырша совсем не помнил в 50-х годах XVIII в. того времени, когда бы мишари платили ясачную подать царской России до того момента, когда она вновь была введена среди них в 1747 г. и теперь уже для всего мишарского населения. Установление этого ясака совпало по времени с проведением 2-й ревизии и с начавшимся на основании ее данных новым сбором податей. Это совпадение не было случайным, так как в условиях общих финансовых затруднений, в результате двух недавно

¹ Мещерской землей называлась с очень давних времен, еще с периода феодальной раздробленности русского государства, область в бассейне среднего течения р. Оки, населенная сначала финскими племенами, а затем и татарами. Позднее, в пределах Казанского ханства, это же название придавалось также территории на правой стороне Волги — в бассейне верхнего течения рр. Суры и Мокши, населенной в то время татарами и отатарившимися финскими племенами.

² Материалы Волкова. М. К. Любавский. Очерк башкирских восстаний в XVII и XVIII вв. (неизд. рукописная работа).

³ С этого времени название «служилые мещеряки» утрачивает первоначальный свой смысл обозначения одного только господствующего класса феодалов среди мишарского народа и стало применяться ко всей его массе, привлеченной к военной службе царской России. См., напр., Материалы по истории Башкирской АССР, ч. 1, М.—Л., 1936, стр. 262.

закончившихся войн с Турцией и Швецией и накопившихся громадных недоимок с населения, привлечение к ясачной подати мишарей и служилых татар делалось неизбежным и казалось царизму, одним из наиболее безопасных и предпочтительных средств для получения необходимых дополнительных доходов. Во всяком случае этот источник дохода представлялся ему более приемлемым, чем сбор, например, «немалой недоимки, оставшей на башкирах после чинимого ими бунта».¹ Размер новой ясачной подати был определен в количестве башкирского «полуполтинного дворового оклада», т. е. по 25 копеек со двора в год. Этот ясак мишари и служилые татары платили вместе с ясачными башкирами до 1754 г., когда он был заменен обязательной покупкой соли из казны и общим привлечением всех башкир и мишарей к ежегодной регулярной военной повинности на Оренбургской линии.

Не позднее середины XVII в. поселились в Башкирии первые представители мелких и средних татарских феодалов и из другой ветви татарской народности, обитавшей в основном на левой стороне Волги в бассейне р. Камы. Их было тоже сначала 100 семейств — «служилых татар Исмаила Алпаева и Дусали Сунчалеева с товарищи». Царской грамотой 4 мая 1659 г. «по их челобитью за службу» им были отведены поместья в Уфимском уезде «под усадьбу и пашню земли», по 20 четей каждому.² Но в отличие от мишарских феодалов эти служилые татары постоянно до 1747 г. резко выделялись царской властью от остальной рядовой татарской массы. Если мишарские феодалы в порядке отправления военной повинности зачислялись, как мы только что видели, в одно служилое сословие с трудовой частью мишарского народа, то служилые татары-феодалы до самых 40-х годов XVIII в. не смешивались в этом отношении с собственными трудящимися массами и не платили вместе с ними возложенных на них податей. Тем самым эти служилые татары почти всегда ставились в особое и преимущественное положение в сравнении с башкирскими батырями, совсем не освобождавшимися от ясачной подати, которую они вносили вместе с остальными ясачными башкирами. В этом сказывалась определенная установка царской власти, стремившейся разностью условий быта, созданных для социально однородных групп, не допустить сближения их на основе общих интересов и стремлений.

Кроме указанных групп феодалов на территории Башкирии находились в то время и русские феодалы-помещики, поселившиеся на захваченных башкирских землях еще с первых десятилетий царского господства. Число их к данному моменту заметно выросло. Выросли и размеры их земельных владений, расширившихся

¹ УЦГАЛ. Фонд Межевого д-та Правит. сената, 1823, № 563/144, ч. 1, л. 620.

² Там же. Военно-исторический архив. Фонд 4, 1848, св. 12, № 12, лл. 4 об.—5 об.

путем как скрытых, так и явных захватов. При этом русские помещики не составляли здесь обособленной группы, эксплуатировавшей только переселенных ими сюда русских крепостных крестьян. Несомненно в сферу эксплуатации этих феодалов постепенно втягивались и представители местного трудящегося населения, в результате всевозможных долговых обязательств попадавшие в известную от них зависимость; последняя же, в связи с обстоятельствами, принимала, конечно, различные формы, начиная от временных кабальных отношений «всякой домовой работы на срок», «до расплаты» взятых денег, и кончая крепостным состоянием продававшихся по специальным купчим малолетних детей и прочих родственников наиболее разорвавшихся семей из среды этого трудового населения.

От общего вопроса о наличии в Башкирии различных слоев местной феодальной аристократии перейдем теперь к характеристике их экономической силы и значения. К сожалению, мы располагаем для этого только данными, относящимися к одним башкирским феодалам, однако эти сведения достаточно яркие и указывают не только на наличие огромных богатств, сосредоточенных в руках наиболее крупных из башкирских феодалов, но также позволяют догадываться, какими путями эти богатства накапливались и получали дальнейшее движение. Так, хорошо известно, например, что видный в свое время тархан Алдар был владельцем около 8000 лучших лошадей; а одно только захваченное в 1740 г. восставшими башкирами имущество другого тархана Исмаила Мундунова состояло из 200 лошадей, 30 коров, 40 овец на общую сумму 1500 руб., далее из домашнего скарба в 100 руб. и наличных денег в 300 руб.¹ Здесь особенно показательно сосредоточение в руках этого тархана, кроме большого количества скота и общего домашнего скарба, еще заметной суммы денежного капитала.

И это не было случайностью, так как по словам известного в свое время татарского переводчика и агента царской колониальной политики в Башкирии и Казахстане Тевкелева многие из тарханов еще в 30-х годах XVIII в. вели не только скотоводческо-земледельческое хозяйство, но участвовали также в крупной торговле, «торгуя всякими российскими товарами».² Последнее обстоятельство тесно связывало их интересы с интересами помещиков метрополии и местных представителей российского торгового капитала. В среднем это были обладатели стад в 1000 с лишком лошадей, с таким же приблизительно числом овец и с количеством рогатого скота «в половину противу лошадей»; иногда к этому еще прибавлялись козы и несколько верблюдов. Часть этой фео-

¹ Мат. по ист. Башкирской АССР, ч. 1, М.—Л., 1936, стр. 405.

² Мат. по ист. России, изд. А. И. Добросмысловым, т. II, Оренб., 1900, стр. 105.

дальной знати выступала в качестве «главных» старшин в местном башкирском управлении, другие же из них занимали должности простых старшин в некоторых волостях. Ниже на феодальной лестнице располагались средние слои феодалов, к числу которых принадлежали башкирские батыри, обладающие значительно меньшими стадами, с количеством лошадей от 500 до 1000, и игравшие первоначально менее заметную роль в местном башкирском управлении. Наконец, еще ниже шли самые мелкие феодалы-батыри, которые имели всего 100—500 лошадей, такое же число овец и 50—250 голов крупного рогатого скота; в местном башкирском управлении они выполняли главным образом обязанности сотников.¹ В целом же это был тот господствующий класс, который держал в зависимости от себя все ниже его стоявшие социальные группы. К этому же классу принадлежали, несомненно, и наиболее состоятельные группы местного духовенства — ахунов и мулл, в особенности из числа тех, которые обладали еще званием хаджи.²

Формы внеэкономического принуждения, свойственного феодальному обществу, «могут быть, — по словам В. И. Ленина, — самые различные, начиная от крепостного состояния и кончая сословной неполноправностью крестьянина».³ Одну из разновидностей этих форм и представляла собой социальная зависимость низших классов от своих феодалов в Башкирии в том виде, как она сложилась к середине XVIII в. В это время одной из наиболее эксплуатируемых и угнетенных общественных групп среди местного населения были тептяри и бобыли. Эта группа составила постепенно из наиболее обедневших и угнетенных элементов всех нерусских народностей края. Исключения не составляли и сами башкиры, которые в значительном количестве тоже вошли в ее состав; из прочих же народностей это были: татары, мишари, удмурты, мари и уже в меньшей степени чуваш и мордва.⁴ Отдельные указания на присутствие башкир в тептярско-бобыльской группе имеются прежде всего в документах, изданных в 1-й части «Материалов по истории Башкирской АССР».⁵ Затем о том же явлении говорит и неизданная оберегальная память 16 июня 1642 г., выданная башкирам Байлярской волости деревни Салагуш Туй-кильди Чермышеву с товарищами. Здесь в качестве тептярей и бобылей упоминаются гулящие люди той же деревни Уразлей Мартынов и Бегиш Матисев с товарищами,

¹ Размеры поголовья скота у различных башкирских феодалов, указанные в тексте, являются приблизительными и приводятся на основании сведений И. Г. Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799, ч. II, стр. 98.

² Хаджи — религиозное звание мусульманина, получавшееся лицами, совершившими паломничество в Мекку.

³ В. И. Ленин. Соч., изд. третье, т. III, стр. 140.

⁴ Мат. по ист. Башкирской АССР, ч. I, М.—Л., 1936, стр. 15, 292.

⁵ См., напр., документы №№ 23 и 25.

записанные в бобыльской ясак вышеупомянутыми лицами, получившими оберегальную память.¹

Переходя теперь к определению характера самой феодальной зависимости тептярско-бобыльского населения от башкирских феодалов, следует отметить, что она вырастала под влиянием двух причин.

С одной стороны, к этому вела развивавшаяся оброчная система пользования чужой землей, которая нередко соединялась с работой за полученную землю и скот в хозяйстве самого феодала; с другой стороны, и еще в большей степени, к той же зависимости приводили и долговые денежные ссуды с вытекавшими отсюда натуральными платежами «воском, медом и всякими товарами» или работой «на срок».² Все это закабаляло постепенно такого кортомщика-должника и приближало его к положению русского крестьянина в феодально-крепостную эпоху. Подобный характер зависимости тептярско-бобыльского населения от башкирских феодалов подтверждается также и данными из административной практики того времени. Так, при всех требованиях тептярей и бобылей «к строению крепостей и к перевозке провианта на Оренбургской линии» все предписания о соответственных их нарядах направлялись местными колониальными властями не непосредственно к ним, а всегда через распоряжавшихся ими башкирских старшин, которым посылка этих работников «вменялась в верноподданническую их службу».³

С большой уверенностью можно предполагать наличие подобной же социальной зависимости и в отношении части эксплуатируемого местного населения к татарским и мишарским феодалам.

Ниже этой угнетенной группы тептярей и бобылей стояли в башкирском обществе только рабы, не составлявшие здесь, однако, сколько-нибудь устойчивого общественного слоя и тем более не создававшие каких-либо условий для специального рабовладельческого способа производства. Отработав в течение известного срока затраченную на них сумму капитала, они выходили затем на положение полусвободных работников, с которыми и сливались постепенно в результате дальнейшей эволюции.⁴ В числе этих рабов на ряду с пленниками-ясырями, захваченными в военных столкновениях с соседями (калмыками и казахами), встречались также представители местного нерусского населения; это были отдельные члены наиболее обнищавших и разорившихся семей, которые попадали в рабство, будучи проданы их родственни-

¹ УЦГАЛ. Фонд Межевого д-та Правит. сената, 1823, № 563/144, лл. 69 об. — 70.

² Мат. по ист. Башкирской АССР, ч. 1, стр. 126, 292—293.

³ УЦГАЛ. Фонд Межевого д-та, 1823, № 563/142, л. 11 об.

⁴ Мат. по ист. Башкирской АССР, ч. 1, М.—Л., 1936, стр. 321.